

С.С. ДЕМБИЦКИЙ, О.И. БУРОВА

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена межличностной политико-психологической напряженности, а также его измерению в контексте индивидуальной враждебности и межличностной сензитивности. Проанализировано понятие социального, или межличностного, стресса, являющегося родовым по отношению к межличностной политико-психологической напряженности. Установлена фрагментарность сферы соответствующих исследований, а также отсутствие стандартизированного социологического инструментария, необходимого для изучения феномена межличностной политико-психологической напряженности.

Описаны результаты трех валидизационных исследований, направленных на разработку социологического теста «Межличностная политико-психологическая напряженность». Осуществлена оценка таких параметров инструмента, как распределение его итоговых значений, факторная и конструктивная валидность, межгрупповые различия. Первое исследование — общенациональный опрос населения Украины в сентябре 2019 г. (N = 600). Второе исследование — онлайн-опрос в сентябре 2019 г. (N = 475). Третье исследование — общенациональный опрос в феврале 2020 г. (N = 2038).

Определен вариант теста, обеспечивающий наилучшие результаты при использовании в рамках массовых опросов. Выявлено два паттерна факторных структур теста, один из которых носит сущностный, а другой — методический характер. При этом в обоих случаях зафиксированы высокие показатели факторной валидности. В рамках конструктивной валидизации

Дембицкий Сергей Сергеевич — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии НАН Украины.

Адрес: 01021, Украина, Киев, ул. Шелковичная, д. 12.

Телефон: +38 (044) 255-60-65. **Электронная почта:** e_forge@me.com

Бурова Ольга Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии НАН Украины.

Адрес: 01021, Украина, Киев, ул. Шелковичная, д. 12.

Телефон: +38 (044) 255-60-84. **Электронная почта:** burova_olga@yahoo.com

установлена слабая связь показателей теста с элементами номологической сети той части политической культуры, которая касается установок. При этом обнаружена более тесная связь с поведенческими переменными, описывающими отдельные аспекты повседневной политической активности. Сделаны следующие выводы: 1) тест измерения межличностной политико-психологической напряженности имеет приемлемые показатели факторной и конструктивной валидности; 2) перспективным направлением дальнейших исследований с применением теста является изучение социально-психологических особенностей политических процессов; 3) специфика композиции данного теста в рамках массовых опросов имеет определяющее значение для достоверности его результатов при использовании личного интервью.

Ключевые слова: социологический тест; социальный стресс; социальный конфликт; межличностная политико-психологическая напряженность; враждебность; межличностная сензитивность.

Для цитирования: Дембицкий С.С., Бурова О.И. Межличностная политико-психологическая напряженность: специфика феномена и особенности его социологического измерения // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7394

Тема психологического стресса, обусловленного политической жизнью в центре страны, все чаще попадает в фокус общественного внимания, а также становится объектом эмпирических исследований. Например, в ежегодном исследовании Американской психологической ассоциации «Стресс в Америке» ставится вопрос о том, является ли текущий политический климат источником стресса для респондентов (в 2019 г. утвердительно на него ответили 62% респондентов) [21]. Другой показательный кейс — коллективная монография «Опасный случай Дональда Трампа» (“The Dangerous Case of Donald Trump”) [22], написанная в контексте политической борьбы 2015–2016 гг. в США, а также ее негативных последствий для психического здоровья избирателей. В частности, в указанной книге упоминается так называемое “Trump anxiety disorder” («Тревожное расстройство, вызванное деятельностью Трампа»).

Вместе с тем за рубежом данная тема в большей степени имеет научно-популярный характер. Так, на многих сайтах приводятся советы, как совладать со стрессом, вызванным проводимой политикой. Вот примеры заголовков научно-популярных статей подобного характера: «5 способов, с помощью которых родители могут помочь детям побороть политическую тревожность» [12], «5 способов преодоления политически индуцированного стресса» [16], «Преодоление социополитического стресса» [9].

Учитывая социально-политические реалии не только в США, но и в других различных странах, включая Украину и Россию, можно с уверенностью констатировать существование феномена психологического дистресса, порождаемого различными деструктивными явлениями политической жизни. Как показал анализ научных источников,

наиболее близким к этому феномену понятием является социальный стресс (синонимическое понятие — межличностный стресс), возникающий в результате социального конфликта. Соответственно, начнем нашу публикацию с анализа данного понятия.

Понятие социального стресса в социальных науках

Социальный стресс — это состояние психологического напряжения, обусловленного рядом ситуаций, среди которых могут быть семейные и бытовые конфликты, конфликты на работе, а также конфликты, основанные на непонимании и неприятии кого-либо в социальной группе или обществе [17]. Социальный стресс часто приводит к проблемам не только для психологического, но и для физического здоровья человека, а острые случаи конфликта могут спровоцировать изменения в иммунной системе, которые, как известно, часто определяют появление и усугубление различных заболеваний [20]. Кроме того, у людей, испытывающих социальный стресс, хронические заболевания (например, ВИЧ, ревматоидный артрит и проч.) прогрессируют с большей скоростью, чем у других [18].

Многие систематические исследования в этой области указывают на тесную связь между социальным конфликтом и психологическим стрессом. В частности, межличностный стресс и конфликт с семьей и друзьями достоверно связаны с депрессией и эмоциональными стрессовыми реакциями [6].

Исследования социальных конфликтов и межличностного стресса показывают, что негативные аспекты социальных взаимодействий, включая социальные конфликты и социальный контроль, отрицательно связаны с эмоциональным благополучием и здоровьем. Иначе говоря, социальный стресс и социальный конфликт — «стороны одной медали». Существуют убедительные доказательства того, что конфликтные взаимодействия и соответствующие негативные эмоции имеют прямые физиологические последствия [20]. Например, согласно эпидемиологическим исследованиям, заболеваемость и смертность связаны с социальной изоляцией, низкой социальной поддержкой и высоким уровнем социального конфликта [7].

В то же время стоит обратить внимание на исследования, которые рассматривают стресс совершенно с другой стороны — не как следствие, а как причину, то есть как фактор, ведущий к асоциальным действиям или конфликтам. Д. Канетти-Нисим и соавторы в своей работе затрагивают тему взаимосвязи политического экстремизма национальных меньшинств и испытываемого ими стресса. Их результаты продемонстрировали, что подверженность террористическим настроениям может быть обусловлена психологическим стрессом (исследование касалось угрозы со стороны палестинских граждан Израиля) [8].

Традиционно степень стресса оценивали с точки зрения того, оказывались ли люди в определенных жизненных ситуациях, которые могут

вызвать стресс, а потом измеряли стрессоустойчивость к этим ситуациям, основываясь либо на индивидуальном восприятии этого влияния на их жизнь, либо на оценке уровня стресса [11]. В рамках этого подхода события считались стрессовыми, если их непосредственно испытывали участники исследования и они оказывали значительное влияние на их жизнь.

Существует также мнение, согласно которому стресс может испытываться не только в ответ на проблему, которая уже наступила. Например, теория сохранения ресурсов, разработанная С. Хобфоллом [14], предполагает, что стресс отражает реальную или потенциальную потерю ресурсов человека и, следовательно, не обязательно должен быть вызван фактически произошедшей с человеком негативной ситуацией. Согласно этой модели, ресурсы включают блага самой разной природы (материальные блага, семья, работа, финансы, личные качества, время и т. д.). Таким образом, стресс является результатом фактической или гипотетической потери таких ресурсов.

Идея о том, что стресс может возникать из-за различного рода ресурсных угроз (не обязательно реальных), наводит на мысль о воздействии средств массовой информации, генерирующих соответствующие послания массовой аудитории. Конечно же, такого рода коммуникация имеет социальный характер и может вести к социальным конфликтам. В пользу этой гипотезы свидетельствует еще одно исследование С. Хобфолла [15], в котором была обнаружена связь между тем, как преподносились в СМИ негативные события израильско-ливанской войны 1982 г., и уровнем депрессии среди населения Израиля.

На сегодняшний день есть разные данные о том, способны ли СМИ самостоятельно вызвать у человека стресс. Например, исследование Мэри Э. Макнотон-Кэссилл [19] было основано на первоначальной гипотезе, что интенсивное воздействие новостей в средствах массовой информации через телевидение, радио и печатные источники может стать причиной высокого уровня депрессии и тревоги. Тем не менее в этом исследовании не было установлено существенной связи между воздействием средств массовой информации и показателями состояния тревоги или депрессии. Это, однако, не означает, что взаимодействие между вещанием средств массовой информации и эмоциональным состоянием не происходит более сложным образом.

На сегодняшний день одним из важных источников информации стали социальные сети. В век информационного бума, когда уже сложно представить жизнь без Интернета, когда значительная часть живого общения перешла в социальные сети, многие исследователи стали говорить о том, что общение в них — это уже во многом участие в политических процессах. Многие из политических лидеров имеют свои аккаунты в социальных сетях, а значит, миллионы людей имеют виртуальную возможность обратиться к ним напрямую, что дает ощущение включенности в политический процесс. Социальные сети пре-

вратились в новый инструмент политической активности. Люди могут выступать против своего правительства, координировать действия по протестным и другим акциям и, конечно же, вступать в социальный конфликт со своими политическими оппонентами.

Показательно в этом смысле исследование А. Хисам и соавторов [13], в котором оценивалась связь между политической активностью в социальных сетях и психологическим дистрессом. Было подтверждено, что пользователи социальных сетей довольно часто испытывают усталость и беспокойство при регулярном нахождении в них. А отслеживание и комментирование политических аккаунтов приводит к стрессу независимо от того, касается оно одобрения или осуждения.

Таким образом, социальный стресс является неотъемлемой частью жизни человека и может принимать разнообразные формы. В контексте политических процессов социальный стресс становится все более распространенным явлением по причине приобщения людей к новым каналам коммуникации в Интернете. Ситуация усугубляется и тем, что политические лидеры используют социальные сети в качестве площадки для продвижения своих политических интересов. При этом сторонники соответствующих политических проектов часто вовлекаются в острый социальный конфликт со своими оппонентами. Несмотря на существование особого типа конфликтной политической коммуникации между индивидами, которая ведет к увеличению их психологического дистресса, сфера соответствующих исследований находится на этапе начального развития.

Одним из следствий такой ситуации является отсутствие специального социологического инструментария для измерения психологического дистресса, возникающего в ответ на конфликтную политическую коммуникацию между отдельными индивидами (имеются в виду любые случаи — в реальной жизни и/или в Интернете). Далее в нашей работе для названия данной разновидности социального стресса мы используем понятие «межличностная политико-психологическая напряженность». Как следует из наименования, такая напряженность может возникать как результат коммуникации между различными индивидами по политическим вопросам. При этом речь идет именно о дистрессе, то есть о негативных психологических последствиях.

С учетом сказанного наше исследование посвящено разработке социологического теста «Межличностная политико-психологическая напряженность» (далее — СТ МППН), который может использоваться русско- и украиноязычными респондентами.

Разработка социологического теста

«Межличностная политико-психологическая напряженность»

Подбор индикаторов и формулировка задания респондентам

При определении специфики стресса, вызванного той или иной формой политического взаимодействия, обращаются к разным сим-

птоматическим измерениям (тревожность, фобии, депрессия, враждебность). В нашем исследовании мы сфокусировались на двух аспектах, наиболее тесно взаимосвязанных с социальным конфликтом, — на враждебности и межличностной сензитивности. Как показали результаты нашего исследования, они не просто являются «сторонами одной медали», а могут рассматриваться в качестве единого феномена. Если враждебность, условно говоря, — это поведение в конфликте, то межличностная сензитивность — самочувствие в нем. Естественно, оба указанных компонента тесно переплетаются.

В качестве стартовой точки подбора индикаторов мы остановились на психологическом тесте SCL-90-R Л. Дерогатиса [10], включающем среди прочих два указанных симптоматических измерения. Формулировки всех отобранных индикаторов были изменены в соответствии со спецификой измеряемого феномена (см. табл. 1). В столбце «Стартовый индикатор» каждая нечетная строка соответствует симптоматическому измерению «межличностная сензитивность», каждая четная — симптоматическому измерению «враждебность».

Таблица 1

Начальные (Л. Дерогатис) и итоговые (С. Дембицкий) индикаторы СТ МППН

Стартовый индикатор	Итоговый индикатор (номер, или итоговая позиция в тесте)
Чувство недовольства другими	Чувство недовольства людьми, которые высказывают очевидно ошибочное мнение о политических процессах (№ 1)
Легко возникающие досада или раздражение	Легко возникающее раздражение, связанное с обсуждением политических проблем (№ 2)
То, что Ваши чувства легко задеть	Отклонен
Вспышки гнева, которые Вы не могли сдержать	Импульс изъясняться на повышенных тонах при обсуждении острых политических проблем (№ 6)
Ощущение, что другие не понимают Вас или не сочувствуют Вам	Ощущение, что люди, которые спорят с Вами о национальной или международной политике, просто не хотят Вас понять (№ 5)
Импульсы причинять телесные повреждения или вред кому-либо	Отклонен
Ощущение, что люди недружелюбны или Вы им не нравитесь	Ощущение, что люди, которые отстаивают противоположную политическую позицию, настроены враждебно (№ 7)
То, что Вы часто вступаете в спор	Чувство, что Вы слишком часто участвуете в спорах на политические темы (№ 8)

Как видно, третий и шестой индикаторы из стартового набора были отклонены. Вместо них сформулированы полностью новые индикаторы:

1. «Ощущение, что при обсуждении политиков и их действий с людьми, отстаивающими противоположную точку зрения, Ваши собеседники переходят границу дозволенного в общении» (№ 3, для оценки межличностной сензитивности).

2. «Желание прекратить и не возобновлять общение с людьми, позиция которых по политическим вопросам не выдерживает никакой критики» (№ 4, для оценки враждебности).

Мы апробировали две формулировки задания респондентам. На *первом этапе* был использован подход, схожий с тем, который применен при разработке экспресс-теста психологического дистресса SCL-9-NR [4]. Во-первых, мы использовали вступление, дающее оправдание и объяснение соответствующим переживаниям, которые могли возникнуть у респондента. Во-вторых, как временной интервал, так и шкала ответов не конкретизировались, а были направлены на оценку субъективных ощущений исследуемых. По нашему мнению, такие приемы должны смягчить восприятие достаточно острой темы и уменьшить число социально желательных ответов.

В итоге была использована следующая формулировка: «Тема политической жизни как во многих странах мира, так и в Украине стала как никогда острой и бескомпромиссной. На повседневном уровне это часто ведет к сильной заинтересованности политической жизнью, а также к возникновению напряженности и конфликтов. Если говорить лично о Вас, то как часто в последнее время Вы испытывали перечисленные ниже переживания, ощущения и мысли?». Шкала ответов: «никогда», «изредка», «периодически», «почти постоянно».

В дальнейшем было установлено, что такой подход несколько неудачен, поскольку не учитывает измерение частоты общения с политическими оппонентами. По этой причине на *втором этапе* был введен иницирующий вопрос, а также изменено задание, предваряющее батарею индикаторов.

Иницирующий вопрос: «Приходилось ли Вам за последние полгода обсуждать (учитывая любые случаи — в реальной жизни и/или в сети Интернет) политиков и политические события с людьми, которые отстаивали в процессе общения противоположную точку зрения? Если да, то как часто? Если за последние полгода было несколько периодов, которые характеризовались разной частотой такого общения, то дайте ответ для того из них, который наиболее типичен лично для Вас». Шкала ответов: «нет, не приходилось», «да, всего несколько раз за последние полгода», «да, хотя бы несколько раз в месяц», «да, хотя бы несколько раз в неделю», «да, практически каждый день». В случае выбора респондентом первого варианта ответа последующие вопросы

не задавались, то есть принималось решение об отсутствии у респондента межличностной политико-психологической напряженности.

Задание перед батареей индикаторов: «Тема политической жизни как во многих странах мира, так и в Украине является острой и во многих случаях бескомпромиссной. На повседневном уровне это часто ведет к сильной заинтересованности политической жизнью, а также к возникновению напряженности и конфликтов между гражданами одной страны. Если говорить о тех случаях за последние полгода, когда Вы обсуждали политиков и политические события с людьми, которые отстаивали в разговоре противоположную точку зрения, как часто во время такого общения и в кратчайшие сроки после него Вы испытывали перечисленные ниже переживания, ощущения и мысли? Дайте один ответ по каждому пункту». Шкала ответов не изменялась.

Как показали эмпирические исследования, использование различных подходов к формулировкам было оправдано и дало интересные методологические результаты. Они описаны далее.

Методы

А) Дизайн. В качестве эмпирической базы выступили результаты трех кросс-секционных исследований. С точки зрения использованных формулировок и общей композиции теста первое исследование относится к первому этапу, а второе и третье — ко второму.

Первое исследование проведено в сентябре 2019 г. Его выборка репрезентирует взрослое население Украины по таким параметрам, как регион проживания, тип населенного пункта, пол и возраст ($N = 600$). Метод сбора информации — личное интервью. Соотношение мужчин и женщин в выборке составило 45,3 и 54,7%. Средний возраст респондентов — 47,2 года.

Второе исследование проведено онлайн среди пользователей социальной сети Facebook с помощью сервиса Limesurvey. Данные также собраны в сентябре 2019 г. Размер выборки составил 475 респондентов. При этом 82,3% опрошенных были рекрутированы с помощью таргетированной рекламы Facebook. Главными объектами рекламы стали мужчины и женщины трех городов — Киева, Харькова и Львова. Сам опрос был добровольным, но сразу по его завершении респонденты могли ознакомиться с показателями своей межличностной политико-психологической напряженности. Соотношение мужчин и женщин в выборке составило 44,2 и 55,8%. Средний возраст респондентов — 43,3 года.

Третье исследование проведено в феврале 2020 г.¹ Как и первое, оно репрезентирует взрослое население Украины по таким па-

¹ Здесь мы хотим выразить благодарность доктору философских наук В.И. Паниотто, который предоставил нам возможность включить методику измерения межличностной политико-психологической напряженности в очередной этап омнибуса Киевского международного института социологии.

раметрам, как регион проживания, тип населенного пункта, пол и возраст ($N = 2038$). Метод сбора информации — личное интервью. Соотношение мужчин и женщин в выборке составило 43,4 и 56,6%. Средний возраст респондентов — 50,4 года.

Б) Инструмент. На первом этапе (первое исследование) использовался вариант СТ МППН, включающий только батарею индикаторов, на втором (второе и третье исследования) — как иницилирующий вопрос, так и батарея индикаторов. Все три исследования различались с точки зрения содержания анкеты (во всех затрагивались те или иные вопросы социально-политического характера), но в каждой из них были заданы вопросы об электоральных предпочтениях респондента.

Так как первое и второе исследования были проведены фактически в одно время, а третье — через полгода после них, вопросы об электоральных предпочтениях очень близки по содержанию.

В контексте проверки конструктивной валидности следует указать на ряд социологических методик, использованных в первом исследовании. К таким относятся социологические тесты геополитических ориентаций “RF-geopol” и “EU-geopol”, социологический тест «Типы политической культуры — II» [5, с. 10–63], индекс аномийной недостаточности норм [2] и интегральный индекс социального самочувствия — 15 [1]. Для оценки протестного потенциала использовался вопрос, при ответе на который респондент должен был указать, какие меры и средства защиты своих прав он (она) считает допустимыми настолько, что готов сам принять в них участие (от «не вижу никаких мер и средств защиты своих прав от произвола властей» до «создание независимых от президента и правительства вооруженных формирований»).

В) Статистический анализ. Факторная валидность проверена на основе результатов, последовательно полученных с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа.

Эксплораторный факторный анализ осуществлен с использованием метода повторных главных осей, метод вращения — varimax. Во всех случаях количество факторов равно двум.

Конфирматорный факторный анализ осуществлен с использованием метода диагонально взвешенных наименьших квадратов (Diagonally Weighted Least Squares — DWLS). Качество факторных моделей оценено на основе значений следующих показателей: хи-квадрат, среднеквадратичная погрешность аппроксимации (RMSEA), сравнительный индекс соответствия (CFI) и индекс Такера–Левиса (TLI). В качестве приемлемых пороговых значений были приняты: отношение значения хи-квадрат к степеням свободы менее 5, $RMSEA < 0,05$ и $(CFI, TLI) > 0,95$. Анализ связи между факторами, а также между факторами и индикаторами осуществлен с помощью полихорической корреляции.

Проверка конструктивной валидности осуществлена с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Все вычисления проведены с помощью языка программирования R (версия 3.6.1, библиотеки lavaan, psych и ltm).

Результаты

А) Распределение аддитивных значений СТ МППН. Разные методы сбора информации, как и различные формулировки, привели к значительным отличиям распределений аддитивных значений теста.

В случае вопросов (первое исследование), что называется, «в лоб» каждый десятый респондент (63 из 600) ответил «никогда» по каждому из восьми индикаторов теста. Среднее для распределения составило 8,4, стандартное отклонение — 5,8 (см. рис. 1).

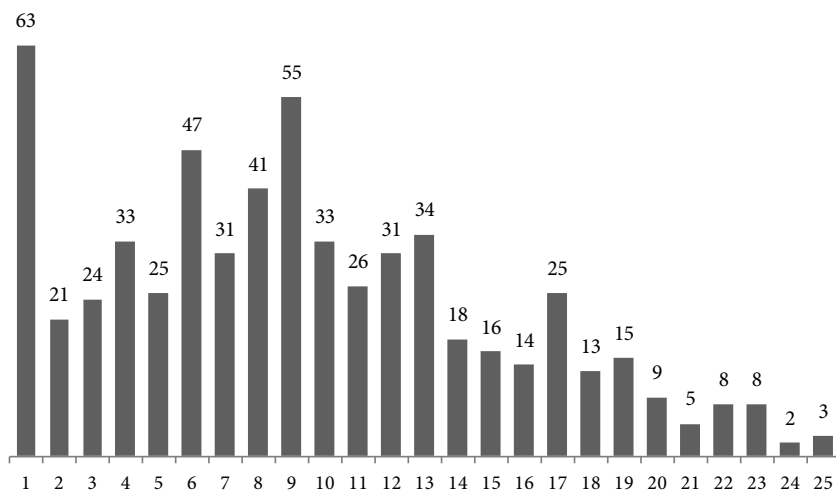

Рис. 1. Гистограмма аддитивных значений СТ МППН
(результаты первого исследования)

Во втором исследовании, отвечая на инициирующий вопрос, 10,5% респондентов выбрали вариант ответа «нет, не приходилось», они были исключены из дальнейшего анализа. При этом лишь один респондент из тех, кто отвечал на дальнейшие индикаторы теста, во всех случаях выбрал вариант ответа «никогда». Среднее для распределения составило 10,4, стандартное отклонение — 4,9 (рис. 2).

В третьем исследовании инициирующий вопрос «отсек» значительно больше наблюдений — 64,6%. Из тех же, кто отвечал на индикаторы теста, 8,5% выбрали вариант ответа «никогда» по каждому из пунктов. Среднее для распределения составило 7,1, стандартное отклонение — 4,5 (рис. 3).

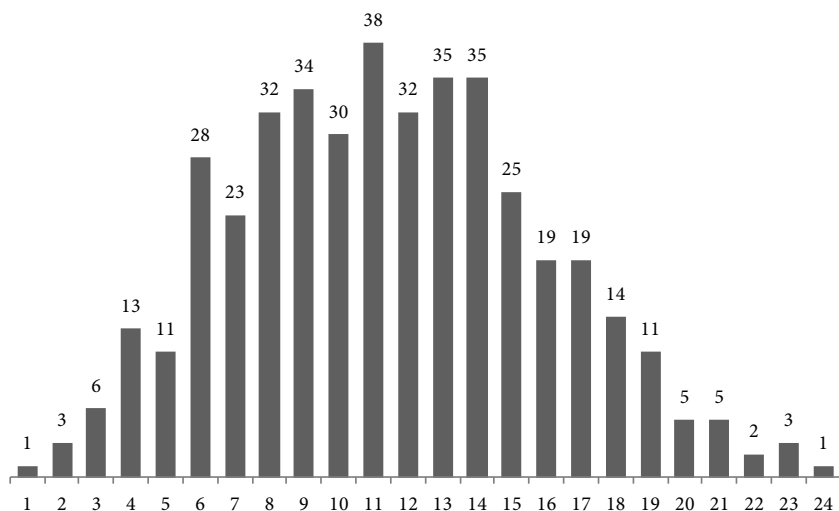

Рис. 2. Гистограмма аддитивных значений СТ МППН
(результаты второго исследования)

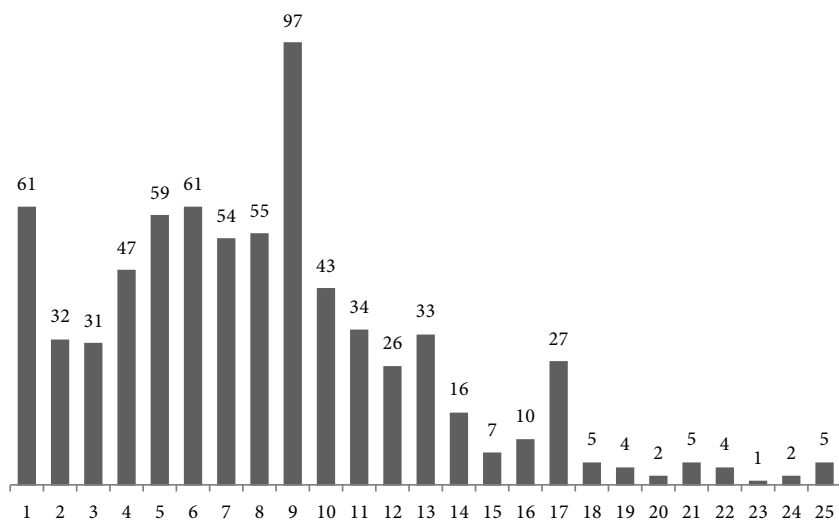

Рис. 3. Гистограмма аддитивных значений СТ МППН
(результаты третьего исследования)

Очевидно, что на полученных результатах сказались как специфика построения СТ МППН в каждом случае, так и особенности коммуникативной ситуации. Более детально на этом моменте мы остановимся в обсуждении.

Б) Факторная валидность и внутренняя надежность СТ МППН. В рамках оценки факторной валидности сначала мы определяли коли-

чество возможных факторов с помощью эксплораторного факторного анализа, после чего оценивали полученную структуру с помощью конфирматорного факторного анализа. При этом мы исходили из гипотезы, согласно которой мужчины и женщины различаются в том, как они реагируют на политику. Соответственно, во всех трех исследованиях был использован указанный алгоритм отдельно для респондентов каждого пола.

Во всех случаях, кроме подвыборки женщин во втором исследовании, был получен тот или иной вариант двухфакторной структуры. В первом исследовании у мужчин к первому фактору были отнесены первые два индикатора (сила связи между факторами равна 0,86), а у женщин — первые три (сила связи между факторами равна 0,88). Схожая ситуация была зафиксирована для наблюдений третьего исследования. В данном случае как у мужчин, так и у женщин к первому фактору были отнесены первые два индикатора (сила связи между факторами равна 0,78). А вот во втором исследовании данные для женщин указывали на необходимость выделения общего фактора, а у мужчин двухфакторная структура имела особую специфику. Так, к первому фактору были отнесены индикаторы № 1, 2, 5, 6, 8 (сила связи между факторами равна 0,71).

Все полученные модели имеют высокое качество и высокую внутреннюю согласованность (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Показатели факторной валидности и внутренней надежности СТ МППН в различных исследованиях

Показатель	Исследование				
	1-е, муж.	1-е, жен.	2-е, муж.	2-е, жен.	3-е, все
Chi-квадрат (DWLS)	16,0	28,0	18,1	20,1	17,0
DF (степени свободы)	19	19	19	20	19
Chi-квадрат / DF	0,8	1,5	1,0	1,0	0,9
p-value	0,66	0,08	0,52	0,45	0,59
RMSEA (< 0,05)	0,00	0,04	0,00	0,00	0,00
CFI (> 0,95)	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
TLI (> 0,95)	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Альфа Кронбаха (> 0,70)	0,90	0,90	0,79	0,80	0,86

Несмотря на то что такие результаты полностью подтверждают факторную валидность и внутреннюю согласованность СТ МППН, остаются вопросы, касающиеся двух различных паттернов факторной группировки.

Таблица 3

Факторные нагрузки индикаторов СТ МППН ($p < 0,001$)*

Индикатор	Исследование				
	1-е, муж.	1-е, жен.	2-е, муж.	2-е, жен.	3-е, все
Чувство недовольства людьми, которые высказывают очевидно ошибочное мнение о политических процессах	0,82 (1)	0,77 (1)	0,74 (1)	0,62	0,76 (1)
Легко возникающее раздражение, связанное с обсуждением политических проблем	0,90 (1)	0,84 (1)	0,71 (1)	0,71	0,86 (1)
Ощущение, что при обсуждении политиков и их действий с людьми, отстаивающими противоположную точку зрения, Ваши собеседники переходят границу дозволенного в общении	0,74 (2)	0,76 (1)	0,73 (2)	0,62	0,72 (2)
Желание прекратить и не возобновлять общение с людьми, позиция которых по политическим вопросам не выдерживает никакой критики	0,81 (2)	0,82 (2)	0,73 (2)	0,53	0,77 (2)
Ощущение, что люди, которые спорят с Вами о национальной или международной политике, просто не хотят Вас понять	0,82 (2)	0,84 (2)	0,58 (1)	0,67	0,79 (2)
Импульс изъясняться на повышенных тонах при обсуждении острых политических проблем	0,80 (2)	0,87 (2)	0,77 (1)	0,62	0,73 (2)
Ощущение, что люди, которые отстаивают противоположную политическую позицию, настроены враждебно	0,78 (2)	0,84 (2)	0,69 (2)	0,66	0,76 (2)
Чувство, что Вы слишком часто участвуете в спорах на политические темы	0,78 (2)	0,80 (2)	0,42 (1)	0,56	0,65 (2)

* Значения в скобках указывают на принадлежность к соответствующему фактору.

В) Конструктивная валидность СТ МППН. Инструментарий первого исследования предоставил хорошую возможность оценки того, включены ли результаты СТ МППН в номологическую сеть (для расчета взаимосвязей использовались аддитивные значения тестов), описыва-

вающую политическую культуру украинского общества на уровне установок. Как оказалось, не включены (табл. 4). Можно выделить только две связи, одна из которых хотя и статистически значима, но достаточно слаба. Соответственно, внимания заслуживает лишь такой показатель, как уровень протестного потенциала, который, вполне ожидаемо, положительно связан с уровнем межличностной политико-психологической напряженности.

Таблица 4

Взаимосвязь аддитивного значения СТ МППН с показателями политической культуры (г)

Элементы номологической сети	Сила связи
Геополитические ориентации в отношении Российской Федерации	0,01
Геополитические ориентации в отношении Европейского союза	0,07
Антидемократические установки (развитые страны)	-0,08
Антидемократические установки (Украина)	-0,01
Авторитарные установки	-0,04
Установки на гражданскую активность	-0,11*
Уровень аномии (ощущения безнормности в обществе)	-0,07
Социальное самочувствие	0,09
Уровень протестного потенциала	0,23**

* $p = 0,06$; ** $p < 0,001$.

Взаимосвязь с уровнем протестного потенциала можно лучше понять, если рассмотреть ее отдельно для различных электоральных групп. Среди таких можно выделить две основные. Первая представлена избирателями победившей на выборах в Верховную раду Украины политической партии «Слуга народа», вторая — тремя политическими силами, которые уже давно в том или ином виде представлены в украинском политикуме: политической партией «Европейская солидарность», всеукраинским объединением «Батькивщина» и оппозиционной платформой «За жизнь». Для первой группы сила связи практически не меняется ($r = 0,21$; $p < 0,001$; $n = 247$), для второй — значительно возрастает ($r = 0,39$; $p < 0,001$; $n = 104$).

Взаимосвязь с аддитивными значениями СТ МППН также продемонстрировали некоторые поведенческие переменные, использованные во втором исследовании. Так, положительную взаимосвязь обнаружили такие показатели, как частота, с которой респондент интересуется политическими новостями ($r = 0,18$; $p < 0,001$; $n = 425$), а также частота, с которой респондент вступает в общение со своими политическими оппонентами ($r = 0,29$; $p < 0,001$; $n = 425$). В то же время в третьем исследовании взаимосвязь между аддитивными значе-

ниями СТ МППН и частотой общения с политическими оппонентами оказалась на порядок ниже ($r = 0,19$; $p < 0,001$; $n = 721$).

Г) Межгрупповые различия. Отдельного внимания заслуживает сопоставление исследований по таким параметрам, как пол, возрастная группа (18–30, 31–55, 56 и старше) и электоральные предпочтения (табл. 5).

Таблица 5

Средние аддитивного значения СТ МППН в различных группах

Критерий группировки	Исследование		
	1-е	2-е	3-е
Пол			
мужской	8,8	10,6	7,2
женский	8,0	10,4	7,0
Возрастная группа			
молодежь	8,0	9,9	6,7
средний возраст	8,2	10,6	7,0
пожилой возраст	8,8	11,0	7,4
Электоральные предпочтения (парламентские выборы)			
не голосовал (бы)	7,7	10,1	6,5
«Слуга народа»	7,8	9,5	6,6
Оппозиционная платформа «За жизнь»	10,9	13,5	8,2
«Батькивщина»	8,0	10,9	7,9
«Европейская солидарность»	9,5	11,2	7,2
«Голос»	10,4	9,8	7,7

Первым показательным моментом является несколько большая выраженность во всех исследованиях уровня межличностной политико-психологической напряженности у мужчин по сравнению с женщинами. Дело в том, что во многих исследованиях, посвященных общему психологическому стрессу, было продемонстрировано, что более высокие показатели характерны как раз для женщин (в частности, данный факт фиксируется в результатах мониторинга Института социологии НАН Украины «Украинское общество»).

Схожий для всех исследований паттерн наблюдается и в случае возрастных групп. Так, можно говорить о некотором увеличении межличностной политико-психологической напряженности с повышением возраста.

Менее однозначные результаты получены для различных электоральных групп, зафиксированных во всех исследованиях. В данном случае, видимо, корректнее сравнивать первое и третье исследования, поскольку они являются репрезентативными. Мы аргументируем это

тем, что социально-политические показатели в Украине имеют ярко выраженный региональный характер, в то время как половозрастные — скорее, универсальный.

Итак, сравнивая первое и третье исследования с точки зрения электоральных предпочтений, можно отметить схожие закономерности. Например, двумя наиболее «спокойными» группами являются те, кто не принял (бы) участие в голосовании, и электорат политической партии «Слуга народа». В то же время наиболее «накрученным» можно назвать электорат Оппозиционной платформы «За жизнь».

Оценивая межгрупповые отличия в целом, следует признать, что их влияние на аддитивные значения СТ МППН существенно слабее, чем влияние поведенческих характеристик, связанных с политикой.

Обсуждение использования социологического теста «Межличностная политико-психологической напряженности»

1. Метод сбора данных, общая композиция теста и характер получаемых ответов. Как показали результаты, то, что отлично работает при самозаполнении, не является хорошим способом получения достоверных² результатов с помощью СТ МППН в опросах с использованием личных интервью.

Фактически менее корректная постановка вопроса в первом исследовании дала лучший отклик респондентов, чем использование двухэтапного подхода (вопрос-фильтр, батарея индикаторов) в третьем. По обоим этим исследованиям фиксируется тот или иной уровень ухода в отрицание межличностной политико-психологической напряженности. И чем больше возможностей для такого отрицания предоставлено, тем более масштабной может быть потеря содержательных данных. В первом исследовании респондентам, не желающим делиться информацией в рамках ответов на индикаторы СТ МППН, необходимо было выбирать вариант ответа «никогда». В третьем же исследовании респонденту было достаточно сказать, что за последние полгода ему не приходилось общаться на политические темы с людьми, имеющими альтернативное мнение. А на этапе ответов на индикаторы теста появлялась еще одна возможность не поделиться информацией.

Исходя из этого, мы считаем, что в массовых опросах, использующих для сбора информации личное интервью, общая композиция теста должна быть противоположной той, которую использовали мы: сначала — батарея индикаторов, а уже после нее — вопрос, уточняющий частоту соответствующей коммуникации. Это не выглядит вполне корректным с точки зрения логики повседневного общения, но, на наш взгляд, ведет к получению более достоверных результатов при использовании СТ МППН.

² Под достоверностью в данном случае мы понимаем возможность и желание респондентов искренне отвечать на индикаторы теста.

Возможно, такую «перевернутую» композицию следует применять и в исследованиях, использующих самозаполнение. Несмотря на то что во втором исследовании мы получили куда более искренние ответы, очень проблематично обобщать их на те группы, которые не были охвачены данным исследованием. Высока вероятность того, что на таргетированную рекламу отреагировали прежде всего те, кого явление межличностной политико-психологической напряженности интересует лично. Отсюда и большая искренность ответов.

2. Структура факторов. Проблема искренности ответов находит прямое выражение и в факторных структурах, которые были получены в различных исследованиях. Мы считаем, что структурные особенности феномена межличностной политико-психологической напряженности продемонстрированы во втором исследовании. Так, для женщин это один общий фактор, соединяющий межличностную сензитивность и враждебность, а для мужчин на фоне общего фактора выделяется то, что мы назвали «ощущение чужой враждебности и изоляционизм в качестве ответа» (индикаторы № 3, 4, 7).

В первом и третьем исследованиях из двух факторов первый формируется первыми двумя или тремя индикаторами. Это справедливо как для мужчин, так и для женщин. Такой паттерн обусловлен соответствующим стилем ответов: по первым двум-трем индикаторам в процессе личного интервью респонденты обоих полов дают более искренние ответы, а после этого с большей вероятностью занижают частоту соответствующих случаев. Таким образом, факторные структуры теста в первом и третьем исследованиях имеют, по нашему мнению, методический, а не сущностный характер.

3. Политическая культура или психологическая организация личности? Очевиден тот факт, что политическая атмосфера и политические процессы в том или ином национальном государстве задают потенциальные масштабы межличностной политико-психологической напряженности его населения. Наше исследование свидетельствует в пользу того, что соответствующее явление имеет в большей мере психологический и технологический характер. Психологический — в том смысле, что важным фактором, определяющим степень межличностной политико-психологической напряженности индивида, является его психологическая организация, или личностные особенности. Технологический же — в том, что степень такой напряженности на индивидуальном уровне и в отдельных социальных группах может сравнительно легко индуцироваться разнообразными информационно-политическими технологиями.

Рассматриваемый нами феномен уходит своими корнями значительно глубже, чем политическая культура общества. Не будет преувеличением сказать, что враждебность можно рассматривать не только с психологической, но и с биологической точки зрения — в качестве фундаментальной адаптивной реакции к условиям внешней среды.

Отсюда, несмотря на усложнение социально-культурных оснований жизни людей, принцип «сражайся или спасайся» не утратил своей релевантности, а значит, может использоваться (и используется) с целью направления активности широких слоев населения.

Такие рассуждения (как и наши данные) ведут к выводу о слабой связи между различными аспектами политической культуры индивида и его политико-психологической напряженностью. Вместе с тем использование самих информационных технологий, которые могут быть направлены как на усиление, так и на ослабление политической конфликтности граждан одного государства, является важным индикатором политической культуры. В этом смысле степень межличностной политико-психологической напряженности в обществе может рассматриваться в качестве опосредованного следствия особенностей политической культуры его элит.

4. Отдельного внимания заслуживает вопрос определения тестовых норм предлагаемой методики (хотя в случае социологического тестирования мы предпочитаем говорить о критериальных уровнях³). Применяя традиционный подход и, таким образом, ориентируясь на выборку стандартизации, мы могли бы использовать в качестве таковой наблюдения третьего исследования. Вместе с тем с учетом рассмотренных выше проблем, связанных с достоверностью полученных в нем данных о межличностной политико-психологической напряженности, такое решение не выглядит оптимальным. В свою очередь, для определения критериальных уровней необходимо провести дополнительные методические исследования.

Таким образом, данный вопрос остается открытым и задает одно из необходимых направлений дальнейших методических поисков, связанных с использованием социологического теста «Межличностная политико-психологическая напряженность».

Выводы

Полученные в наших исследованиях результаты позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, СТ МППН характеризуется высокими показателями внутренней надежности и факторной валидности, а различия в полученных результатах исследований можно аргументированно объяснить спецификой этих работ. Последнее, в частности, задает не только ориентиры правильного использования теста, но и дальнейших методических исследований.

Во-вторых, результаты конструктивной валидации указывают на низкую релевантность рассмотрения феномена межличностной политико-психологической напряженности в качестве элемента номологической сети политической культуры. По этой причине перспективным направлением дальнейших исследований с применением

³ Более подробно см.: [3, с. 117–120].

СТ МППН мы считаем социально-психологические особенности политических процессов.

В-третьих, для оптимальной композиции теста, позволяющей в рамках массовых опросов улучшить достоверность получаемых результатов, необходимо использовать вопрос о частоте общения с политическими оппонентами уже после основной части СТ МППН.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дембицкий С.* Интегральный индекс социального самочувствия // Социология: теория, методы, маркетинг. 2017. № 4. С. 109–129.
2. *Дембицкий С.С.* Индекс аномийной недостаточности норм (ИАНН): конструирование и валидизация // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6673>
3. *Дембицкий С.С.* Комплексные измерительные инструменты в социологии // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 102–124. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.3.5366](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5366)
4. *Дембицкий С.С.* Конструирование и валидизация социологического теста SCL-9-NR // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 8–31. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5991>
5. *Дембицкий С.* Політична культура українського суспільства: тенденції розвитку в умовах новітніх викликів. Київ: Інститут соціології НАН України, 2019. — 196 с.
6. *Birnbaum-Weitzman O.* Social Conflict // Encyclopedia of Behavioral Medicine. New York, NY: Springer New York, 2013. P. 1830–1831. DOI: [10.1007/978-1-4419-1005-9_1504](https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1005-9_1504)
7. *Brown G.W., Harris T.O.* (eds.). Life events and illness. New York: Guilford Press, 1989. — 496 p.
8. *Canetti-Nisim D., Halperin E., Sharvit K., Hobfoll S.E.* A new stress-based model of political extremism: Personal exposure to terrorism, psychological distress, and exclusionist political attitudes // Journal of Conflict Resolution. 2009. Vol. 53. No. 3. P. 363–389. DOI: [10.1177/0022002709333296](https://doi.org/10.1177/0022002709333296)
9. Coping with Socio-Political Stress [online]. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.bu.edu/shs/behavioral-medicine/behavioral-resources/coping-with-socio-political-stress/>
10. *Derogatis L., Fitzpatrick M.* The SCL-90-R, the Brief Symptom Inventory (BSI), and the BSI-18 // The use of Psychological Testing for Treatment Planning and Outcomes Assessment. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004. Vol. 3: Instruments for Adults. P. 1–42.
11. *Dohrenwend B.S., Dodson B.P., ShROUT M.* Symptoms, hassles, social supports, and life events: Problem of confounded measures // Journal of Abnormal Psychology. 1984. Vol. 93. No. 2. P. 222–230. DOI: [10.1037/0021-843X.93.2.222](https://doi.org/10.1037/0021-843X.93.2.222)
12. *Dunne-Derrell T.* Five Ways Parents Can Help Children With Political Anxiety [online]. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.csamsandiego.com/blog/tag/political+stress>

13. *Hisam A., Safoor I., Khurshid N., Aslam A., Zaid F., Muzaffar A.* Is Political Activism on Social Media an Initiator of Psychological Stress? // *Pakistan Journal of Medical Sciences.* 2017. Vol. 33. No. 6. P. 1463–1467. DOI: 10.12669/pjms.336.12863
14. *Hobfoll S.E.* Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist.* 1989. Vol. 44. No. 3. P. 513–524. DOI: 10.1037/0003-066X.44.3.513
15. *Hobfoll S.E., Bridges A., Lomranz J., Eyal N., Tzermach M.* Pulse of a nation: Depressive mood reactions of Israelis to the Israel–Lebanon War // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1989. Vol. 56. No. 6. P. 1002–1012. DOI: 10.1037/0022-3514.56.6.1002
16. *Imhoff J.* 5 Ways to Manage Politically Induced Stress [online]. Accessed 28.05.2020. URL: <https://healthblog.uofmhealth.org/lifestyle/5-ways-to-manage-politically-induced-stress>
17. *Juth V., Dickerson S.* Social stress // *Encyclopedia of Behavioral Medicine.* New York: Springer, 2013. P. 1842–1843. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_283
18. *Lepore S.J., Revenson T.A.* Social constraints on disclosure and adjustment to cancer // *Social and Personality Psychology Compass.* 2007. Vol. 1. No. 1. P. 313–333. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2007.00013.x
19. *McNaughton-Cassill M.E.* The news media and psychological distress // *Anxiety, Stress and Coping.* 2001. Vol. 14. No. P. 193–211. DOI: 10.1080/10615800108248354
20. *Miller G., Chen E., Cole S.W.* Health psychology: Developing biologically plausible models linking the social world and physical health // *Annual Review of Psychology.* 2009. Vol. 60. P. 501–524. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163551
21. *Stress in America 2019.* Washington: American Psychological Association [online]. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2019/stress-america-2019.pdf>
22. *The Dangerous Case of Donald Trump: 37 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President-Updated and Expanded with New Essays / Ed. by B.X. Lee.* New York: St. Martin's Press, 2019. — 544 p.

Дата поступления: 30.05.2020.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. No. 3. P. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7394

S.S. DEMBITSKIY, O.I. BUROVA

National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine.

Serhii S. Dembitskiy — Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine.

Address: 12, Shelkovichnaya str. 01021, Kiev, Ukraine. **Phone:** +38 (044) 255-60-65.

Email: e_forge@me.com

Olga I. Burova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Address: 12, Shelkovichnaya str. 01021, Kiev, Ukraine. **Phone:** +38 (044) 255-60-84.

Email: burova_olga@yahoo.com

INTERPERSONAL POLITICAL PSYCHOLOGICAL TENSION: THE PHENOMENON'S SPECIAL NATURE AND FEATURES OF ITS SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Abstract. This article is dedicated to examining the phenomenon of interpersonal political and psychological tension, as well as its measurement in the context of individual hostility and interpersonal sensitivity.

The concept of social or interpersonal stress, which is generic in relation to interpersonal political and psychological tension, is analyzed. The article identifies the fragmentation of the field of relevant research, as well as a lack of the standardized sociological tools necessary to study the phenomenon of interpersonal political and psychological tension. The results of three validation studies aimed at developing the sociological test “Interpersonal Political and Psychological Tension” are described. An assessment is made of such parameters of the tool as the distribution of its total values, factor and construct validity, intergroup differences. The first study was a nationwide survey conducted in September 2019 (N = 600). The second study was an online survey conducted in September 2019 (N = 475). The third study was a nationwide survey conducted in February 2020 (N = 2038). A test variant was identified which provides the best results when used in mass surveys. Two patterns of the test's factorial structure are revealed, one of which is semantic, and the second being methodological in nature. Moreover, in both cases, high indices of factor validity were recorded. In the framework of construct validation, the test indicators appear to be loosely linked to the elements of the nomological network of political culture associated with attitudes. At the same time, a closer connection was observed to behavioral variables which describe individual aspects of everyday political activity.

The following conclusions are made: 1) the test for measuring interpersonal political and psychological tension shows acceptable indices of factor and structural validity; 2) the study of the socio-psychological characteristics of political processes appears to be a promising area for further research using the test; 3) the specific composition of this test in the framework of public surveys is crucial for the reliability of its results when using personal interviews.

Keywords: sociological test; social stress; social conflict; interpersonal political and psychological tension; hostility; interpersonal sensitivity.

For citation: Dembitskiy S.S., Burova O.I. Interpersonal Political Psychological Tension: the Phenomenon's Special Nature and Features of its Sociological Measurement. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7394

REFERENCES

1. Dembitskiy S. Integral index of social well-being. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2017. No. 4. P. 109–129. (In Russ.)
2. Dembitskiy S.S. Normless Anomie Index (NLAI): Construction and Validation. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6673> (In Russ.)
3. Dembitskiy S.S. Complex Measurement Instruments in Sociology. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 102–124. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5366 (In Russ.)

4. Dembitskyi S.S. Constructing and validating the SCL-9-NR sociological test. *Sotsiologicheskyy Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 8–31. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5991> (In Russ.)
5. Dembitskyi S. *Політична культура українського суспільства: тенденції розвитку в умовах новітніх викликів*. [Political culture of Ukrainian society: development trends in the latest challenges.] Київ: Інститут соціології НАН України publ., 2019. 196 p. (In Ukrainian.)
6. Birnbaum-Weitzman O. Social Conflict. *Encyclopedia of Behavioral Medicine*. N.Y.: Springer New York, 2013. P. 1830–1831. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_1504
7. Brown G.W., Harris T.O. (eds.). *Life events and illness*. N.Y.: Guilford Press, 1989. 496 p.
8. Canetti-Nisim D., Halperin E., Sharvit K., Hobfoll S.E. A new stress-based model of political extremism: Personal exposure to terrorism, psychological distress, and exclusionist political attitudes. *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53. No. 3. P. 363–389. DOI: 10.1177/0022002709333296
9. *Coping with Socio-Political Stress*. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.bu.edu/shs/behavioral-medicine/behavioral-resources/coping-with-socio-political-stress/>
10. Derogatis L., Fitzpatrick M. The SCL-90-R, the Brief Symptom Inventory (BSI), and the BSI-18. *The use of Psychological Testing for Treatment Planning and Outcomes Assessment*. Mahwan, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004. Vol. 3: Instruments for Adults. P. 1–42.
11. Dohrenwend B.S., Dodson B.P., Shrout M. Symptoms, hassles, social supports, and life events: Problem of confounded measures. *Journal of Abnormal Psychology*. 1984. Vol. 93. No. 2. P. 222–230. DOI: 10.1037/0021-843X.93.2.222
12. Dunne-Derrell T. *Five Ways Parents Can Help Children With Political Anxiety*. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.csamsandiego.com/blog/tag/political+stress>
13. Hisam A., Safoor I., Khurshid N., Aslam A., Zaid F., Muzaffar A. Is Political Activism on Social Media an Initiator of Psychological Stress? *Pakistan Journal of Medical Sciences*. 2017. Vol. 33. No. 6. P. 1463–1467. DOI: 10.12669/pjms.336.12863
14. Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*. 1989. Vol. 44. No. 3. P. 513–524. DOI: 10.1037/0003-066X.44.3.513
15. Hobfoll S.E., Bridges A., Lomranz J., Eyal N., Tzemaeh M. Pulse of a nation: Depressive mood reactions of Israelis to the Israel–Lebanon War. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. No. 6. P. 1002–1012. DOI: 10.1037/0022-3514.56.6.1002
16. Imhoff J. *5 Ways to Manage Politically Induced Stress*. Accessed 28.05.2020. URL: <https://healthblog.uofmhealth.org/lifestyle/5-ways-to-manage-politically-induced-stress>
17. Juth V., Dickerson S. Social stress. *Encyclopedia of Behavioral Medicine*. N.Y.: Springer, 2013. P. 1842–1843. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_283
18. Lepore S.J., Revenson T.A. Social constraints on disclosure and adjustment to cancer. *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 313–333. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2007.00013.x
19. McNaughton-Cassill M.E. The news media and psychological distress. *Anxiety, Stress and Coping*. 2001. Vol. 14. No. P. 193–211. DOI: 10.1080/10615800108248354
20. Miller G., Chen E., Cole S.W. Health psychology: Developing biologically plausible models linking the social world and physical health. *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60. P. 501–524. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163551
21. *Stress in America 2019*. Washington: American Psychological Association. Accessed 28.05.2020. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2019/stress-america-2019.pdf>
22. *The Dangerous Case of Donald Trump: 37 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President—Updated and Expanded with New Essays*. Ed. by B.X. Lee. New York: St. Martin's Press, 2019. 544 p.